

Научная статья

УДК 342.241

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(4).682-689

EDN VQMLND

Цели уголовного наказания в современном прочтении

Ирина Олеговна Кравченко

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

iokravhenko16@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Определение целей наказания остается одним из наиболее дискуссионных вопросов уголовного права, несмотря на то что законодатель свою позицию по его разрешению высказал. В настоящее время не сформировано единое понимание сущности целей наказания, их иерархии, не определены показатели их достижимости. Целью статьи является выявление основных проблемных точек в характеристике целей наказания. Исследование направлено на определение теоретической основы построения модели целеполагания при назначении наказания. В ходе анализа выявлены проблемы, имеющее базисное значение для представленной законодателем концепции. Сделан вывод о наличии стратегических ошибок при установлении целей наказания в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса РФ, которые не позволяют обеспечить их достижение. Законодательный подход, предусматривающий лишь декларацию целей, без определения их содержания, представляется неудачным и порождающим научный хаос и дисбаланс практики применения. Присутствующий в действующем уголовном законе акцент на абстрактную, основанную на оценочной деятельности концепцию целей наказания, не предусматривающую эффект достижимости, приводит к созданию в пенологии цикла заведомо безрезультативной деятельности. В статье обоснована авторская позиция понимания целей наказания и представлено видение дальнейшего развития данного учения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цели наказания, пенология, исправление осужденного, предупреждение преступлений, восстановление социальной справедливости

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кравченко И.О. Цели уголовного наказания в современном прочтении / И.О. Кравченко. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(4).682-689. – EDN VQMLND // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 4. – С. 682–689.

Original article

The purposes of criminal punishment in a modern interpretation

Irina O. Kravchenko

Baikal State University, Irkutsk, Russia

iokravhenko16@mail.ru

ABSTRACT

The definition of the purposes of punishment remains one of the most controversial issues in criminal law, despite the fact that legislators have expressed their position on its resolution. Currently, there is no unified understanding of the essence of the purposes of punishment, their hierarchy, and the indicators of their achievability have not been determined. The purpose of this study is to identify the main problem points in the characteristics of the goals of punishment. The study is aimed at determining the theoretical basis for constructing a goal-setting model when assigning punishment. During the study, problems were identified that are of fundamental importance for the concept presented by the legislator. It was concluded that strategic errors exist in establishing the purposes of punishment in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, which prevent their achievement. A legislative approach that only provides for a declaration of purposes, without defining their content, seems unsuccessful and creates scientific chaos and an imbalance in practical application. The emphasis in the current criminal law on an abstract concept of punishment purposes based on evaluative activity, which does not provide for an assessment of achievability, leads to the creation of a cycle of obviously ineffective activity in penology. The article substantiates the author's position on understanding the purposes of punishment and presents a vision for the further development of this doctrine.

© Кравченко И.О., 2025

KEYWORDS

purposes of punishment, penology, correction of the convicted person, crime prevention, restoration of social justice

FOR CITATION

Kravhenko I.O. The purposes of criminal punishment in a modern interpretation. *Akademicheskij yuridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2025;26(4):682–689. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(4).682-689. EDN: VQMLND.

Введение

Проблема определения целей наказания традиционно вызывает неподдельный интерес как ученых уголовно-правового цикла, так и общественности в целом. Это неудивительно, ведь именно в целях наказания раскрывается сущность уголовной политики государства. Интенсивное изменение жизни общества приводит к постоянному пересмотру и коррективам, казалось бы, устоявшихся, базисных понятий. Очевидно, что формулировка целей наказания, соответствующих духу времени, — насущная потребность, удовлетворение которой представляет собой бесконечный процесс. Поэтому установление целей наказания традиционно относится к дискуссионным вопросам уголовного права. Сколько бы ни было проведено качественных исследований, их все равно будет недостаточно, и всегда будет потребность в новых познаниях.

Несмотря на законодательное закрепление и научную разработанность данной темы, на повестке дня остается много проблем в установлении целей наказания. В самом общем виде в качестве основных проблем в определении целей наказания можно отметить взаимосвязь и соотношение целей наказания между собой; содержание каждой отдельной цели и оценка их достижимости.

Основная часть

В действующем уголовном законе принципиально изменен подход к формулировке целей наказания. Законодатель коренным образом пересмотрел фокус трактовки целей наказания, что неудивительно, ведь Уголовный кодекс РФ¹ (далее — УК РФ) принимался в условиях трансформации общества, изменения политического курса страны. Генезис уголовного законодательства в сфере определения целей наказания заслуживает отдельного исследования, поэтому настоящая статья посвящена исключительно ха-

рактеристике действующего законодательного формата. Необходимо отметить, что в научном мире наибольшую популярность получило понимание целей наказания как конечных результатов, на достижение которых направлено применение наказания.

Законодатель остановился на варианте выделения триады этих основных результатов применения наказания, закрепив в части 2 статьи 43 УК РФ восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

При этом открытым остается вопрос о системе целей наказания в части их взаимодействия и приоритетности. Действительно, при буквальном толковании положений части 2 статьи 43 УК РФ закономерно формируется мнение о том, что именно восстановление социальной справедливости является приоритетным ориентиром при назначении наказания. Неслучайно законодатель отделяет эту цель от остальных присоединительным союзом «а также», который традиционно согласно правилам русского языка используется для акцента на добавочный характер однородного члена предложения, нуждающегося в отграничении от основного [1, с. 684].

В поддержку данной позиции можно привести аргумент о том, что не все цели наказания могут быть достигнуты, исходя из особенностей личности виновного лица и сопутствующих факторов. А кроме того, в системе наказаний присутствуют такие виды, которые априори не направлены на получение указанных эффектов. Например, смертная казнь или пожизненное лишение свободы в общем порядке не направлены на исправление осужденного и не осуществляют специальное предупреждение.

При этом распространенной является позиция о том, что все цели взаимосвязаны и каждая из них является базовым компонентом для реализации других целей и при применении конкретного наказания к виновному суд должен стремиться к достижению трех целей в совокупности, признавая их систему [2, с. 107].

Вместе с тем в юридической литературе отображено мнение, которое строится на букваль-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 12 июня 2024 г. № 413-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 32 (ч. 1). Ст. 6145.

ном толковании положения части 2 статьи 43 УК РФ, где указано, что восстановление социальной справедливости – это не единичная цель, а в ней сконцентрированы три аспекта, имеющие самостоятельное значение. Таким образом, сделан вывод, что целей наказания не три, а больше, и конкретный круг их не определен. Поэтому в качестве целей наказания могут быть предложены различные варианты, например, предлагается подразделить цели наказания на две группы – основные и неосновные. «Первые обозначены законодателем. Причем в качестве главенствующей цели выделяется предупреждение преступлений. К неосновным можно отнести цели обеспечения безопасности, кару и др.» [3, с. 56]. Необходимо признать, что данное толкование достаточно сильно отклонилось от буквального содержания закона и представляет собой субъективное видение автора, хотя имеет право на существование, ведь одной из задач уголовного права является именно предупреждение.

Тот факт, что цель – восстановление социальной справедливости – появилась только в действующем уголовном законе, ожидаемо вызвал дискуссию. Возникает вопрос о содержании данной цели и возможности ее достижения в рамках уголовно-правоохранительных отношений. Кроме того, накал этой проблемы определил сам законодатель, не установив аналогичную цель в уголовно-исполнительном законодательстве. Возникает неоднозначная ситуация, когда суд, назначая наказание, стремится к восстановлению социальной справедливости, а органы, реализующие наказание, такой цели не имеют.

В развитии классического учения о сущности наказания достаточно убедительной представляется позиция, что «цель наказания в виде восстановления социальной справедливости может быть достигнута прежде всего причинением виновному в совершении преступления определенных физических и моральных страданий, что, в свою очередь, определяется нормами уголовного и уголовно-исполнительного права, определяющих вид наказания и условия его отбывания, которые, в свою очередь, вбирают в себя определенные ограничения для преступника» [4]. Традиционно в отечественной пенологической школе основным свойством наказания определялась его возможность причинять страдания виновному лицу. Таким образом, кара – это сущность наказания и средство обеспечения справедливой реакции государства на преступление.

Представляется, что формулировка рассматриваемой цели крайне неудачная, что и вызы-

вает некоторое непонимание ее содержания со стороны общественности. Ведь «восстановить» означает привести в прежнее нормальное состояние [1, с. 86]. Очевидно, что вернуть в исходное состояние нарушенные в ходе совершения преступления общественные отношения уголовно-правовыми методами невозможно. В целом у уголовного права отсутствует восстановительная функция – этот вывод напрашивается из анализа задач, предмета и методов данной отрасли права. Однако необходимо отметить, что в науке присутствуют попытки акцентировать внимание на возмездном характере уголовного наказания [5, с. 34], которое пытаются преподнести, формируя в общественном сознании представление о недопустимости преступного поведения, что выглядит крайне неубедительно.

В поддержку использования законодательного подхода выступает коллектив ученых, отмечая, что «чисто восстановительный характер носят имущественные уголовно-правовые санкции типа штрафа, конфискации имущества..., а при убийстве социальная справедливость наказания достигается путем ограничения прав и свобод виновного» [6, с. 85]. Представляется, что здесь наблюдается некоторое нарушение логики и содержания размышлений в виде паралогизма. Думается, что санкция, будучи частью уголовно-правовой нормы, устанавливающей наказание за конкретный вид преступления, не может носить восстановительный характер. Ведь на восстановление, при всей дискуссионности данного термина, направлено применение наказания. Тем более «санкция типа штрафа или конфискации» – это нонсенс. Штраф – это не тип санкции, а вид уголовного наказания. Конфискация же в соответствии с действующим уголовным законом вообще не является наказанием, – это разновидность иных мер уголовно-правового характера, на которые цели уголовного наказания не распространяются. Вместе с тем даже наказания, связанные с ущемлением имущественной сферы виновного лица, не выполняют восстановительную функцию. Ведь средства, полученные путем применения наказания, перечисляются в доход государства. Кроме того, размер данных наказаний зависит не только и не столько от вреда, причиненного в ходе преступления, сколько от имущественного статуса преступника, его имущественных возможностей (наличие и размер заработной платы, наличие иждивенцев, наличие имущества, на которое может быть наложено взыскание, и т.п.).

Очевидно, что справедливость наказания находит свое проявление в ограничении или лишении виновного прав и свобод. При этом качественная и количественная характеристика такого ограничения или лишения определяется через установление соответствия назначенного наказания критериям, указанным в части 1 статьи 6 УК РФ. Эти рассуждения иллюстрируют содержание справедливости наказания, но не раскрывают суть ее восстановления. Возникает некоторый диссонанс, ведь невозможно вернуть в первоначальный вид общественные отношения, нарушенные в связи с совершенным преступлением, путем ограничения или лишения прав виновного в соответствии с уголовным законом. Например, при совершении убийства нарушаются общественные отношения по охране жизни и при назначении виновному лицу наказания в виде лишения свободы возврата к первоначальной форме быть не может. Нарушенные общественные отношения восстановлению в представленном варианте не подлежат. В таком случае речь может идти о «компенсационном» характере восстановления социальной справедливости [7, с. 8]. Представляется, что такой подход более точный. Действительно, вернуть первоначальное состояние нарушенным в ходе совершения преступления общественным отношениям путем применения установленных в уголовном законе наказаний, не представляется возможным. Однако наказание позволяет возместить причиненный вред в условных категориях, принятых в рамках реализации охранительных отношений, путем ограничения или лишения прав и свобод лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

Отказ от заведомо недостижимой цели в виде восстановления социальной справедливости в пользу справедливой компенсации за нарушение общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом, выглядит более обоснованным, понятным и воспринимаемым общественным сознанием. Однако действующая система наказаний не ориентирована на реализацию компенсационной функции. Признание компенсационной направленности наказания требует изменения системы наказаний за счет введения новых видов наказаний, предполагающих возмездность, например, в виде заглаживания причиненного вреда, возмещения ущерба и т.п.

Инструменты определения сущности справедливости остаются в настоящее время неконкретными, что затрудняет понимание ко-

нечных результатов применения наказания. Оценочный характер критериев справедливости, заложенный в статье 6 УК РФ, формирует доминирование субъективизма при назначении наказания. Сложившаяся практика, опираясь на оценочные категории, определяет соответствие наказания фактически интуитивно. Например, за убийство частью 1 статьи 105 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет, но и за похищение человека, повлекшее смерть по неосторожности, по части 3 статьи 126 УК РФ установлено такое же наказание. Впрочем, за вымогательство, повлекшее тяжкий вред здоровью, например, установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет, а за разбой, повлекший тяжкий вред здоровью, даже от 8 до 15 лет лишения свободы. С позиции определения приоритетов уголовно-правовой охраны не вызывает сомнений, что наибольшей общественной опасностью обладает убийство, ведь оно связано с умышленным посягательством на самое ценное благо – жизнь. Однако анализ санкций демонстрирует, что нарушение общественных отношений по охране свободы личности, сопряженное с неосторожным причинением смерти, оценивается одинаково. А посягательства на общественные отношения по охране собственности, сопряженные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью личности, оцениваются даже как представляющие большую опасность, что повлекло повышение нижней границы пределов лишения свободы в санкциях указанных статей уголовного закона. Следует признать, что до настоящего времени в науке уголовного права не разработаны единые критерии определения характера и степени общественной опасности преступлений [8, с. 9], хотя эта характеристика имеет принципиальное значение для выявления сущности совершенного деяния, являясь его качественной характеристикой и материальным признаком.

При этом не вызывает сомнений, что степень общественной опасности преступления проявляется в санкциях статей в виде показателя карательного воздействия на осужденного [9]. Вариант формирования санкций Особенной части УК РФ в виде определения размера лишения свободы на определенный срок по типу установления лишь верхнего предела представляется заведомо несостоятельным. Лишение свободы является одним из самых распространенных наказаний, использу-

емых в санкциях статей УК РФ, а кроме того, это наказание определено в качестве ориентира при определении категорий преступлений. При этом отсутствие нижнего предела данного наказания сводит к абсурдности категориализацию преступлений, стирая грань между основным составом и квалифицированными составами преступлений и позволяя назначать одинаковые наказания при совершении преступлений разных категорий. Таким образом, масштабные исключения нижних пределов наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ обозначили общие системные сбои в модернизации уголовного закона и обострили проблемы определения соответствий в оценке восстановления социальной справедливости.

Своевременным представляется предложение об исключении цели восстановления социальной справедливости из уголовного законодательства [10, с. 201], ведь принцип справедливости определяет сущность процесса назначения наказания. Указанная основополагающая идея уголовного права пронизывает все уголовное законодательство и не нуждается в трансляции цели наказания.

В характеристике исправления осужденного, к сожалению, не наблюдается последовательности в позиции законодателя. Проблема в том, что в уголовном законодательстве не содержится дефиниции исправления, в отличие от уголовно-исполнительного закона. Данное несоответствие законодательной модели отображения целей является нарушением логики построения взаимосвязей различных отраслей права между собой. Именно уголовное право определяет наказуемость преступных деяний. Уголовно-исполнительное право является зависимым от уголовного права и служит для регулирования вопросов исполнения положений, закрепленных в УК РФ в части содержания наказания. В обратном направлении ситуация развиваться не может! Ссылаться на положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ² (далее – УИК РФ) при раскрытии содержания целей наказания, установленных в части 2 статьи 43 УК РФ, недопустимо. Цели наказания должны быть не только установлены, но и раскрыты именно в уголовном законе, являясь ориентиром при назначении и применении наказания. Кроме того, рассогласованность целей наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства представляется

как некачественная разработка одного из общих направлений уголовной политики в виде установления оптимального соотношения уголовно-правовых и иных правовых мер противодействия криминальным деяниям.

При этом достижимость цели наказания должна стать главным критерием эффективности его применения. Проблема заключается в том, что в научной литературе отсутствует учение, раскрывающее показатели исправления, которые можно использовать для оценки ожидаемого результата. Не разработан конкретный инструмент мониторинга эффективности применения наказания в части исправления осужденного (какой орган, в какие сроки и что должен оценить). Думается, что задействовать критерии достижения исправления, закрепленные в части 2 статьи 9 УИК РФ, по аналогии для раскрытия средств достижения исправления в уголовном праве недопустимо. Хотелось отметить, что даже для уголовно-исполнительного законодательства средства исправления, установленные в указанной норме, явно недостаточны и не учитывают особенности всех видов наказаний.

Представляется, что в идеальной модели восприятия цели наказания в виде исправления оценка ее достижения должна быть произведена по окончании жизни виновного, но очевидно, что такой вариант нереалистичен. Если же достижение данной цели ограничить лишь рамками судимости, то оценка ее достижения значительно упростится, но при этом будет утрачен смысл. Ведь если после погашения или снятия судимости лицо совершит повторное преступление, то возникает абсурдная ситуация, когда формально исправленное лицо фактически демонстрирует отсутствие исправления. При такой трактовке содержания исправления в уголовном праве целесообразно было бы говорить о презумпции исправления. Тогда это не цель наказания, но основополагающая идея его применения. Если цель – это конечный результат, то оценка ее достижения возможна лишь на завершающей стадии жизни, а не в промежутке между сроками судимости; кроме того, исправление в таком контексте – это константа. Исправленное в ходе исполнения наказания лицо не может вновь совершить преступление. В противном случае отсутствует ожидаемый результат применения наказания, а цель не достигнута.

В пенологии представлено много вариантов определения сущности исправления осужденных в контексте целей наказания. Однако все они варьируются вокруг одного незыблемого

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

положения о том, что исправление предполагает достижение такого результата, при котором виновный после отбытия наказания воздержится от совершения новых преступлений [11, с. 77]. Но при таком понимании стирается грань между исправлением осужденного и специальным предупреждением совершения новых преступлений.

Не утрачивает актуальности мысль, высказанная еще в советские времена Н.А. Беляевым, А.Е. Стручковым, М.Д. Шаргородским о том, что «ставить перед уголовным наказанием иные цели, нежели общая (генеральная) и частная превенция, неправильно, потому что как исправление, так и перевоспитание преступников относятся не к самостоятельным и отдельным целям уголовного наказания, а к средствам, способам и путям достижения одной – главной и ведущей – цели уголовного наказания – предупреждения преступного поведения» [12, с. 1183]. Данное утверждение коррелируется с выводом о том, что предназначение уголовного наказания заключается в удержании лица от совершения преступления [13, с. 547].

При этом заслуживает внимания диаметрально противоположное заключение: именно «восстановление справедливости является основной целью уголовного наказания, в которой внутренне присутствуют и взаимно согласуются идеи, выступающие в теории уголовного права в качестве целей наказания» [14, с. 6].

Традиционным в понимании предупреждения совершения новых преступлений как цели наказания является разделение ее содержания на два направления – общая и специальная превенция. В отношении общего предупреждения проявляется единообразие и активных дискуссий не ведется. Обсуждению подлежат лишь средства достижения указанного направления, их взаимосвязь. Можно сказать, что в отношении генеральной линии споры утихли, а по отдельным частным вопросам наличие альтернативных позиций – допустимо, ведь это не ломает фундамент теории. Вместе с тем проблема в понимании специального предупреждения остается открытой. На повестке дня, прежде всего, выявление отличия между исправлением и специальным предупреждением. Трудность в разрешении данного вопроса заключается в том, что в разных источниках авторы единогласно раскрывают их содержание в одних и тех же выражениях: и исправление, и специальное предупреждение заключается в том, что осужденный после применения к нему наказания в дальнейшем воздер-

жится от совершения нового преступления. Но чем в таком контексте исправление отличается от специального предупреждения, где начинается одно и заканчивается другое? Вопрос остается открытым.

Условно научные подходы к определению целей наказания можно разделить на следующие направления: 1) все указанные в части 2 статьи 43 УК РФ цели равнозначны и имеют самостоятельное значение; 2) восстановление социальной справедливости является основной целью, а исправление и предупреждение – вспомогательными; 3) восстановление социальной справедливости признается единственной целью наказания; 4) предупреждение преступлений – главная и единственная цель.

Думается, что предупреждение представляет собой определенный процесс, который при правильном его исполнении должен привести к ожидаемому результату в виде исправления виновного лица. Однако в таком аспекте предупреждение нельзя признать целью наказания – это средство ее достижения. Присоединяясь к научной полемике о содержании концепции целей наказания, считаем, что идеальным результатом назначения наказания является исправление осужденного. В свою очередь, исправление основывается на идее о справедливости наказания, ведь только такое наказание способно вызвать у осужденного установку о воздержании от совершения новых преступлений. Предупреждение является задачей уголовного права, посредством решения которой и обеспечивается исправление осужденного. Таким образом, результатом правильно организованного предупредительного воздействия и следствием справедливо назначенного наказания является исправление осужденного.

Важным требованием при формулировании целей наказания является их достижимость, а значит, необходим комплекс средств и методов оценки. Мониторинг достижимости целей наказания должен быть прозрачным, понятным, имеющим конкретные показатели оценивания и реально подлежащим подсчету. Цели наказания являются не только ориентиром при назначении наказания конкретному виновному, но и отображают эффективность наказания, являясь важными маркерами целесообразности наказания. Ведь если цели наказания не достигнуты или оценить их достижимость невозможно, то наказание как основная форма уголовной ответственности утрачивает свой смысл и становится фикцией.

Заключение

Активная научная полемика относительно определения целей наказания, их взаимосвязи и взаимодействия внутри системы, содержания каждой отдельной цели и представления об оценке их достижимости свидетельствует о наличии глобальных проблем в пенологии. Можно сделать вывод, что современное прочтение

целей наказания, отраженное в действующем уголовном законе, является искаженным, не отражающим правильный паттерн ожидаемых результатов применения уголовного наказания. Парадигма целей наказания нуждается в радикальном реформировании и кардинальном изменении современной идеи и подходов к ее достижению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. / С.И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1987. — 797 с.
2. Суденко В.Е. Уголовное право. Общая часть : лекции / В.Е. Суденко ; под ред. Н.А. Духно. — Москва : Изд-во Юрид. ин-та МИИТа, 2016. — 197 с.
3. Сундуrow Ф.Р. Наказание в уголовном праве : учеб. пособие / Ф.Р. Сундуrow, М.В. Талан. — Москва : Статут, 2015. — 256 с.
4. Упоров И.В. Восстановление социальной справедливости как цели уголовного наказания: проблема средств достижения / И.В. Упоров. — EDN LRJTNR // Дневник науки. — 2022. — № 12 (72). — С. 103.
5. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. / В.А. Уткин. — Томск : Изд-во ТГУ, 2018. — 240 с.
6. Цели уголовного наказания / Я.Ю. Васильева, А.В. Денисова, Е.Н. Карбанова, А.В. Наумов. — Москва : Проспект, 2021. — 192 с. — DOI 10.31085/9785392329106-2021-192. — EDN BFRNDL.
7. Галактионов С.А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Галактионов. — Рязань, 2004. — 32 с.
8. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика / Н.А. Егорова — DOI 10.25724/VAMVD.FPQR. — EDN ZKWH SF // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 1 (48). — С. 8–18.
9. Рогова Е.В. Общественная опасность деяния: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты / Е.В. Рогова, Р.А. Забавко. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).440-449. — EDN NTXZPI // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 440–449.
10. Гузеева О.С. Цели и содержание правоограничений в уголовном наказании / О.С. Гузеева. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).199-209. — EDN DRZEZE // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 199–209.
11. Синельников А.В. Исправления осужденного как цель уголовного наказания / А.В. Синельников. — EDN UPTTRJ // European Science. — 2015. — № 8 (9). — С. 77–79.
12. Корсаков К.В. Михаил Давыдович Шаргородский о целях уголовного наказания / К.В. Корсаков. — EDN JJZRZV // Эволюция российского права : материалы XIX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апр. 2021 г. — Екатеринбург, 2021. — С. 1180–1186.
13. Разгильдиев Б.Т. Фундаментальные аспекты уголовного наказания / Б.Т. Разгильдиев. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(3).542-550. — EDN ZHNAXV // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 542–550.
14. Карамашев С.Б. Восстановление справедливости как цель наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Б. Карамашев. — Красноярск, 2004. — 24 с. — EDN NHNOWF.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1987. 797 p.
2. Sudenko V.E.; Dukhno N.A. (ed.). *Criminal Law. The General Part*. Moscow, 2016. 197 p.
3. Sundurov F.R., Talan M.V. *Punishment in criminal law*. Moscow, Statut Publ., 2015. 256 p.
4. Uporov I.V. Restoration of Social Justice as a Goal Of Criminal Punishment: the Problem of Means of Achievement. *Dnevnik nauki = Diary of Science*, 2022, no. 12, pp. 103. (In Russian). EDN: LRJTNR.
5. Utkin V.A. *Problems of the theory of criminal penalties*. Tomsk State University Publ., 2018. 240 p.
6. Vasil'eva Ya.Yu., Denisova A.V., Karabanova E.N., Naumov A.V. *Purposes of criminal punishment*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 192 p. EDN: BFRNDL. DOI: 10.31085/9785392329106-2021-192.
7. Galaktionov S.A. *The Principle of Justice: Criminal Law Aspect*. Cand. Diss. Thesis. Ryazan, 2004. 32 p.
8. Egorova N.A. Social Danger of a Crime: Theory, Legislation, Judicial Practice. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2019, no. 1, pp. 8–18. 9In Russian). EDN: ZKWH SF. DOI: 10.25724/VAMVD.FPQR.
9. Rogova E.V., Zabavko R.A. Public Danger of an Act: Theoretical and Legal, Legislative and Law Enforcement Aspects. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2024, vol. 25, no. 3, pp. 440–449. (In Russian). EDN: NTXZPI. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).440-449.

10. Guzeeva O.S. Purposes and Content of Legal Restrictions in Criminal Punishment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 199–209. (In Russian). EDN: DRZEZE. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).199-209.

11. Sinelnikov A.V. Correction of a Convicted Person as a Target of Criminal Punishment. *European Science*, 2015, no. 8, pp. 77–79. (In Russian). EDN: UPTTRJ.

12. Korsakov K.V. Mikhail Davidovich Shargorodsky about the Purposes of Criminal Punishment. In *The evolution of Russian law. Proceedings of the XIX International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Ekaterinburg, April 29-30, 2021*. Ekaterinburg, 2021, pp. 1180–1186. (In Russian). EDN: JJZRZV.

13. Razgildiyev B.T. Fundamental Aspects of Criminal Punishment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 542–550. (In Russian). EDN: ZHNAXV. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).542-550.

14. Karamashev S.B. Restoring Justice as the Goal of Criminal Punishment. Cand. diss. Thesis. Krasnoyarsk, 2004. 24 p. EDN: NHHNWF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Олеговна Кравченко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11. СПИН-код: 9738-0420.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina O. Kravchenko – Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal law and Criminology, Institute of Justice. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003. SPIN-code: 9738-0420.

Поступила в редакцию / Received 16.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised 25.11.2025

Принята к публикации / Accepted 18.12.2025